

Глаголев

Борьба за святое профессор Сергей Сергеевич Глаголев

Связь религиозно–филосовских идей с мировыми войнами

В важный исторический момент возникла наша академия и в важный исторический момент, сто лет спустя, вы вступаете в ее аудитории. Академия открылась 1-го октября 1814 г. Тогда только что окончилась война, которая велась на протяжении от Москвы до Парижа. Политическая карта Европы приняла новый вид сравнительно с тем, который она имела в конце XVIII столетия. Россия присоединила к себе Финляндию, Бессарабию, герцогство Варшавское под именем царства польского. Доминирующий голос в политических делах приобрела в Европе Австрия. Одни государства были разделены (Норвегия отделена была от Дании), другие соединены (три с половиной сотен германских княжеств и республик были превращены в 38 государств). Тогда этому политическому переустройству предшествовала общеевропейская война; теперь началась война мировая. Если тогда изменилась политическая карта Европы, то теперь после мировой войны, по–видимому, должна измениться политическая карта мира. Но аудитории нашей академии устроены не для того, чтобы судить и гадать о грядущих политических переменах. Для нас не важна политическая судьба народов, для нас важна их религиозная судьба. На стяге нашей школы написано «во имя православия». Православие мы хотим насаждать и утверждать.

Так! Но от религии нельзя ничего отделять и нельзя ничего изъять из сферы религиозных одобрений и осуждений. Тем менее, из сферы религиозных обсуждений можно выделить войну. Моральное или антиморальное явление есть война, война во всяком случае есть явление, которое должно обсуждаться моралью. А мораль теснейшим образом связана с религией. Но даже не через мораль, а непосредственно, война всегда оказывалась и оказывается связанной с религией.

Разгром народов всегда бывает и разгромом мирозерцаний. Гибель Рима была гибелью язычества. Но Рим пал давно. Обращаясь к моменту возникновения нашей школы совпавшему с политическим видоизменением Европы, мы видим, что тогда происходило не только крушение и возникновение государств, но совершалась и смена

мировоззрений.

Во второй половине XVIII столетия руководящие сферы Европейских государств усвоили себе материалистическое мирозерцание. В деле религиозного отрицания Фридрих прусский шел дальше Вольтера. Вольтер признавал свободу воли и Провидение, Фридрих их отрицал. Очень может быть, что совесть этих обоих людей была одинакова эластична, но как хотите, мне все-таки Вольтер представляется более благочестивым, хотя может быть выражение «благочестие Вольтера» и покажется многим содержащим внутреннее противоречие. Екатерина II, которую Вольтер прославлял с большой пользой для себя (Te, Catharinam, laudamus, te, Dominam, confitemur) тоже, кажется, была менее тверда в вере, чем фернейский вольнодумец. Екатерина, ведь, хотела даже издавать французскую энциклопедию в России, а от антирелигиозного духа этой энциклопедии открещивались такие свободомыслящие люди, как Руссо. Враг положительных религий Бернарден-де-Сент-Пьер, атеист Дидро и подобные им находили благосклонный прием у Екатерины. Основной тезис философии Гольбаха, согласно которому религия есть препятствие для устроения человеческого счастья, представлялся вообще правдоподобным в Европе.

Руководящие сферы, будучи немного атеистическими, однако хранили свой атеизм про себя и для себя, как некую *disciplinam arcanam*. Официально от всех требовалось исповедание религии, но это исповедание, все равно как присяга последним меровингом, ценилось лишь постольку, поскольку оно было выгодно для мажордомов. Почитание Бога вменялось в заслугу лишь как обязательство почитать и бояться предержавших властей.

Атеизм гордо поднимал голову. Его влияние сказывалось даже там, где по-видимому для этого влияния не было места. Кант не был атеистом, но в своих опытах религиозной философии он явно делает попытку эмансипировать человека от Бога, уничтожить религию, как связь человека с Богом.

Так обстояло дело к началу XIX столетия. Но уже в конце XVIII гроза, разразившаяся во Франции, многих заставила задуматься. Екатерина поставила вопрос: не отодвинуть ли в сторону высоко ученые книги и не приняться ли снова за букварь? Прусский король решил сократить религиозный либерализм кенигсбергского мыслителя. Даже в самой Франции, где культивировалось материалистическое мировоззрение, на атеизм было предпринято нечто в роде легкого гонения. Атеизм нашел себе тогда довольно энергичную опору в академике Лаланде. Ему

приписываются слова: «я осмотрел в телескоп все небо и нигде не видал Бога». Лаланд был страшно безобразен – а каково быть безобразным, особенно во Франции! – О бедняге говорили, что он своим атеизмом мстит Господу Богу за свое безобразие. Наполеон, однако, не принял во внимание этой уважительной причины и приказал Лаланду представить исповедание веры. И Лаланд дал исповедание, под которым подписался бы всякий добрый католик.

Но полное крушение материалистического мирозерцания произошло лишь тогда, когда центр политического влияния переместился из свободомыслящего Парижа в католическую Вену. Европейская война окончилась. Европейская политика оказалась в новых руках, и на место французской энциклопедии и религии разума стало исповедание священного союза. Монархи подписали декларацию, которая по своему содержанию является утверждением христианской теократии. Декларация гласила. «Во имя Пресвятой и Нераздельной Троицы, Их Величества, восчувствовав внутреннее убеждение в том, сколь необходимо подлежащий державам образ взаимных отношений подчинить высоким истинам, внушаемым законом Бога Спасителя, объявляют торжественно, что предмет настоящего акта есть открыть перед лицом вселенной их непоколебимую решимость...руководствоваться... заповедями сея святой веры, заповедями любви, правды и мира... На сем основании... I. Соответственно словам священных писаний, повелевающих всем людям быть братьями, договаривающиеся монархи пребудут соединены узами действительного и неразрывного братства и почитая себя как бы единоземцами, они во всяком случае и во всяком месте станут подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь; в отношении же к подданным и войскам своим они, как отцы семейств, будут управлять ими в том же духе братства. II. Единое преобладающее правило да будет... приносить друг другу услуги, оказывать взаимное доброжелательство и любовь, почитать всем себя как бы членами единого народа христианского, поелику союзные государи почитают себя аки поставленными от Провидения для управления единого семейства отраслями... исповедуя таким образом, что Самодержец народа христианского... не иной подлинно есть, как Тот, Кому собственно принадлежит держава, поелику в Нем едином обретаются сокровища любви, ведения и премудрости бесконечные»...

Судя по этой декларации, европейские монархи должны были действительно стать тем, чем именовались древние вавилонские цари, они носили титул «патези» –наместник, т.е. наместник того или другого бога. Но дело, разумеется было наоборот. Для древних царей теократия была

фактом, для новых государей она была красивой и рассчитанной на момент позой.

Но момент рассчитан был хорошо. Декларация явилась годом позже, чем возникла наша академия, но дух декларации, обуславливающее ее настроение явились раньше академии и в академии должно видеть учреждение, которое должно было служить выражением этого настроения и содействовать целям этой декларации. Академические новобранцы, вступившие 1-го октября 1814 г. после молебна в Троицком соборе в царские чертоги, чтобы здесь принять имя студентов академии, эти новобранцы по мысли правительства должны были положить начало армии нового типа предназначенной для завоеваний нового характера.

Между этим моментом и настоящим лежит столетие. Священный союз исчез. Много изменилось. Претензии на мировое господство перешли к Берлину. Нам нет нужды обсуждать вопрос, насколько гарантированы эти претензии имеющейся у Берлина силой, но так-как силы оказываются в истории всегда связанными с идеями, то для нас поучительно рассмотреть, какие руководящие принципы даются миру оттуда, где сосредоточена мировая политика.

Атеизма в том виде, какой он имел в XVIII в. теперь не существует. Тогда атеисты считали нужным бороться с верованиями и суевериями, разделяющими людей и делающими их несчастными. Теперь с верованиями и суевериями бороться нечего все равно, как нечего бороться с тенями. Незаметно вредного влияния верований и незаметно верований. Благочестивый человек XX века может так обработать нечестивого ближнего, что у того естественно может возникнуть вопрос – не есть ли и атеизм – вредное суеверие и не лучше ли для собственного благополучия стать под знамя какой-либо религиозной веры. Назад тому пять лет лидер одной свободомыслящей партии в нашей думе стал говорить о необходимости каждому исповедовать какую-нибудь религию. Ему свистели и справа и слева. Видите-ли, очевидно, он понял, что иногда полезно прикинуться благочестивым, но только бедняга выбрал неудачный момент. Теперь верующие спекулируют и на благочестии и атеисты – на обличении ханжества. Атеисты теперь кричат, что Бог нужен богатым для того, чтобы пугать Им бедняков, а верующие говорят, что атеисты борются против веры в Бога, потому что эта вера мешает им ограбить богатых. Но разумеется, есть и богатые атеисты, и верующие нищие. Только во всяком случае в обиходе современных верований человечества трудно указать такие, которые на практике мешали бы благополучию лица их держащегося. Отсюда и атеизм сильный лишь как оппозиция вредным

суевериям теряет свой *raison d'être*.

Затем, если в наш век вообще нет крепкой веры, то поэтому самому у нас нет и могучего неверия. Крупные отрицательные величины могут существовать лишь при наличии крупных величин положительных. У нас царствует неуверенность, а не вера и не неверие. Мы все теперь немножко вольтерьянцы: и смеемся над адом и боимся в него попасть. О Вольтере всю жизнь громившем суеверия рассказывают, что он перед смертью дозволил своим католическим друзьям совершить над ним елеосвящение – помазание маслом. Его свободомыслящие друзья, узнав об этом, упрекали его, говоря, что он своим примером санкционирует суеверия. «Видите ли, сказал Вольтер, когда карета отправляется в далекое путешествие, колеса ее всегда смазывают маслом». Вольтер очевидно думал, что масло, которым помазали его при соборовании, повредить ему не может.

Так и теперь. Руководящая нас немецкая наука, определяющая политику или определяемая ею, не пускает религию в жизнь, не дает ей практического значения, но она сохраняет религию, как резерв, который может оказаться полезным в загробном мире, если только такой мир существует. Немецкая, богословская наука и именно протестантская наука, создала теорию божественного невмешательства. Весь религиозно–исторический процесс эта наука истолковывает из естественных факторов и тем устраняет Провидение из мировой истории, но у этой науки в лице ее официальных представителей не хватает решимости сказать, что из ее принципов следует отрицание всякого культа, отрицание храмов, молитвы. Религия продолжает играть какую– то двусмысленную, то ли декоративную, то ли существенно нужную роль в жизни протестантов. Они празднуют Воскресение Христово, т. е. Пасху, не веря в это воскресение. Их религиозный ритуал утверждается на вере в Библию, их богословская наука – на отрицании Библии. Как бы ни восхваляли эту науку, я решительно называю ее наукой для бездарностей. Ее принципы игнорируют сложность и многообразность бытия, и каждый не рожденный идиотом, думается, может двигать ее в перед. На очереди дня имеются некоторые философские принципы: чудес нет, все может быть истолковано из известных нам законов необходимости. Никакого откровения никогда не было, и Делич сказал, что мы и не заслуживаем никакого откровения. Относительно последнего положения, однако, нужно заметить, что из того, что я не заслуживаю никакой милости, не следует, что милость не будет мне оказана. Естественные законы известны очень плохо. Мы читаем в Библии, что во дни Езекии однажды случилось,

что тень укоротилась после полудня (4 Царств. XX, 9–11). Может ли быть такое явление? Я долго не мог дать ответа на этот вопрос, но 4 апреля 1912 года я в

первый раз наблюдал его во время кольцеобразного солнечного затмения: тени от предметов укоротились. Немецкая богословская наука по отношению к подобным фактам обыкновенно выдвигает тезис: факт невозможен. Когда возможность факта устанавливается с несомненностью, наука говорит: он естественен. Чудо всегда остается за бортом. Понятие «возможного» эластично, но протестантские ученые понимают его обыкновенно так, как оно понимается образованным обществом в данный момент, и с точки зрения этого понимания легко и смело истолковывают, и оценивают религиозные принципы и данные религиозной истории. Способ истолкования Библии, созданный этой наукой, удобно иллюстрировать коротеньким стихотворением Гейне.

Не враны питали Илью,
Воронами сам он питался.
Так истинный свет я пролью
На факт, что нам чудным казался.
Взамен голубей молодых
Ворон кушал старец в пустыне.
Как с верой вкушали мы их
И сами в родимом Берлине.

Что теперь, как и во дни Гейне, берлинцы вкушают ворон, в этом я не сомневаюсь. Вкушают ли они их с верой и притом с какой? этого я не знаю. Но объяснение относительно Илии представляется имеющим такую же вероятность, как и бесконечное количество иных объяснений, т. е. никакой вероятности. Прежде всего, ведь, можно предположить, что никакого Илии не было, что Илия есть миф. Затем, можно принять, что если и был какой-то Илия, имевший счеты с Ахавом, никогда он в пустыне не жил и многое, и многое можно предполагать. Раз мы заподозрим Библию, как исторический источник, мы можем все отвергать, но у нас нет данных для новых построений. Немецкая наука, отвергнув вмешательство Провидения в мировую историю, поставила задачей делать исторические построения из недостаточных данных. Создалась какая-то умозрительная история. Я искренно желал бы, чтобы эта наука прекратила свое существование вместе с тем, как прекратится существование немецкой гегемонии.

Но это – область теории. Я должен сказать теперь, что религиозная теория у немцев оказывается тесно связанной с религиозной практикой.

Основное положение, раскрываемое всем благовестием Христовым, говорить: «Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. XVII, 21). Немецкая практика учить иное, она утверждает: царствие Божье вне вас есть. Царствие Божье, конечно есть счастье, благополучие. Немецкая философия и раскрывает нам, что наше благополучие обуславливается не тем, что есть внутри нас, а тем, что имеется вне. Имеется хорошая и сильная армия, вот – благополучие нам с вами уже в значительной мере обеспечено. Мы знаем, что к нам за нашим добром другие не сунутся, потому что они рискуют потерять и добро свое собственное. Благополучие обуславливается хорошей полицией. На меня не нападут, я не рискую подвергнуться на улице неприятности, я могу ходить всюду покойно. Благополучие обуславливается хорошими и огнебезопасными постройками, хорошей медициной, хорошим управлением, а главным образом и деньгами, потому что, как объяснил уже цитированный мной немецкий поэт, все зло в мире произошло оттого, что, когда Господь Бог его сотворил, Он сотворил мало денег. Но имейте вы деньги, и вы достигнете вершин благополучия, можно даже сказать, что Царствие Божье от вне переселится внутри вас. Вы наслаждаетесь глубочайшим душевным миром. Вы знаете, что можете получить все нужное вам на потребу. Захотите, вы, прогуливаясь по Фридрихстрассе в Берлине, пива, к вашим услугам учреждения Ашингера. Захотите вы сосисок, вам какая-либо Гретхен отпустит их сколько угодно в гастрономической лавке. Вы довольны настоящим и знаете, что ваши нужды будут удовлетворяться в грядущем. Чего же больше желать?

Только не впадайте в искушение. Не думайте, что ваше счастье обусловлено тем, что внутри вас, вашим духом. Нет; какими бы добродетелями вы не наполнили себя, раз около вас нет хорошего солдата, хорошего полицейского и хороших порядков, вы рискуете оказаться и голодным, и холодным и больным.

Утопическая форма мирозерцания, согласно которому Царство Божье, т. е. попросту говоря, царство счастья обусловлено не тем, что внутри нас, а тем, что вне нас, эта форма носит имя социализма. Социализм возник на французской почве (Сен-Симон, Базард, Шарль, Фурье, Прудон, Луи Блан, Бенуа Малон), но он вырос и окреп на почве немецкой и на немецком языке явилось величайшее произведение социалистической литературы – Капитал Карла Маркса. Признаюсь, я с трудом могу усмотреть различие между утопиями бронированного кулака и утопиями социализма. Бронированный кулак, как и социализм, есть продукт крушения нравственной веры.

В доброе старое время мечтали о перевоспитании человечества, надеялись создать новую породу людей, то призывали возвратиться к жизни природы, то возлагали надежды на просвещение, что оно рассеет не только умственный мрак, но и нравственный мрак сердец. Во всех этих призывах и теориях слышалась вера в нравственные силы людей. Теперь к этим теориям и призывам относятся как к наивной детской мечте. Приятно порой послушать, что лопочут и воображают себе дети, но нельзя самому быть ребенком. Теперь – выдвинут принцип, что людей можно сделать счастливыми только насилем. XIX век дал в наследство XX, социалистические учения и социалистическую практику. Сущность социалистической доктрины я представляю себе таким образом. У меня нет никакой личной собственности, все мое принадлежит социалистическому обществу. Общество может взять у меня все, чем я теперь пользуюсь. Но я сам не могу ничего самовольно взять у общины. Согласно принципу, метафорически или буквально, на мне должен быть надет намордник, чтобы я не кусал чужих кусков. У меня нет ничего своего, но по отношению; ко мне есть много чужого.

И вот, для того, чтобы я не стеснял чужого и не препятствовал его развитию, меня опять—таки метафорически или буквально приковывают на цепь, чтобы я не мог перейти за границы отведенного мне круга. Я не знаю более холопской и менее осмысленной теории. Я называю ее холопской, потому что она провозглашает принцип рабского подчинения личности воле большинства. Но никакой воли большинства не существуете, существует воля вожаков, большинства. Допустим, что в частных случаях этими вожаками могут оказаться люди, которые желают и умеют приносить добро большинству, но, я думаю, никто не станет оспаривать, что этими вожаками легко могут становиться люди, которые желают и умеют обманывать большинство. Так или иначе, моя воля оказывается в рабском подчинении и возможно, что это грядущее рабство ужаснее рабства древнего мира. На самом деле, допустите, что вот здесь установится сейчас социалистический строй. Среди лиц, принужденных подчиниться этому строю имеется несколько православных христиан по своим убеждениям. Они желают иметь свой собственный храм, но ведь это будет частная собственность. Нет, говорят вам, этого нельзя, а там еще вам окажутся нужными какие—нибудь частные церковные средства. Это несогласно с социалистическими законами. В самом лучшем случае вам будет дано пользоваться храмом, который принадлежит обществу, как его собственность, и, следовательно, в святое святых которого вы не можете возбранить входа всякой неверующей свинье. Даже у рабов и у крепостных

было нечто собственное, на что не посягали мало мальски порядочные владельцы, но в грядущем предполагается у вас не может и не должно быть ничего, на что бы не могла покунуться воля вожаков большинства.

Бронированный кулак есть тоже порождение крушения веры в нравственные силы человека. Платон, хотя был и слепой язычник, однако задачу законодательства поставлял в том, чтобы делать людей добродетельными. Теперь не намечают такой неосуществимой задачи. Законы должны быть таковы, чтобы они дали место развитию силы способной охранить нас от всяких покушений на наше благополучие. Эти силы – армия и флот. Эта теория, а затем и практика утверждается на вере, что добрый удар кулака скорее удержит грабителя от преступления, чем самая прочувствованная евангельская проповедь. Не идеальна эта теория и практика, но все–таки они представляются мне гораздо более идеальными, чем социализм. Социализм есть отрицание индивидуализма и свободы. Ницше так характеризует социализм: нет пастыря, одно лишь стадо, все равны и желают одного и того же. Кто думает иначе, тот сам отправляется в сумасшедший дом. Характеристика, предложенная Фридрихом Ницше справедлива. Социализм по существу не допускает свободы мысли. Социализм говорит о религии. Религия есть *Privatsache* – частное дело каждого. Но религиозными воззрениями определяются отношения каждого к обществу, и общество должно считаться с этими воззрениями. Социализм не намерен с ними считаться, он хочет их игнорировать. Бронированный кулак может охранять в одном и том же обществе интересы и православных, и католиков, и евреев, и мусульман, и язычников. Он может считаться с религиозной совестью каждого и принимать в уважение требования этой совести. Далее бронированный кулак по своей идее не должен препятствовать развитию индивидуальных сил. Он дает дорогу и таланту, и гению. Но принцип равенства, провозглашаемый социализмом, признаюсь, ставит вопрос – не нужно ли осаживать выдающихся людей? Ведь, нужно все уравнивать. Представьте себе двух социалистов в общем похожих один на другого, но различающихся тем, что у одного из них прекрасный нос, а другой, как Сирано де Бержерак, владеет безобразным носом. Шансы на счастье у того и другого неравны. Природа подшутила над одним. Задача социалистической общины исправить несправедливость природы. Я не знаю, как сумеют с этим справиться социалисты. Остановимся на другом примере. Представим себе две группы людей. Одна – более способная, другая – менее способная. В той игре, которая называется жизнью, должно ли общество дать той и другой группе по равному количеству очков или

оно должно более способным дать их меньше, а менее способным дать их больше, чтобы было равенство шансов, на счастье. Но если последнее, то тогда социализм, насчитывающий в своих рядах много евреев, пожалуй, может санкционировать и черту еврейской оседлости, и процентную норму для евреев в учебных заведениях.

Бронированный кулак не ставит своей задачей установить невысказанное равенство между репейником и розой. Бронированный кулак допускает и различие индивидуальностей, исключая теорию всеобщего равенства, и право ума и красоты на преимущественное внимание. Бронированный кулак в идеале должен охранять правду и справедливость. Оставляя в стороне вопрос о том – охраняет ли он в действительности правду или неправду – разгромив и ограбив Бельгию, должны поставить вопрос: является ли он принципиально надежной защитой и может ли он дать счастье. Мы видим, что народы мира восстали теперь против системы бронированного кулака. Дело здесь не в Сербии и Бельгии, не в тех миллионах страдальцев, которые выбыли из строя в разных армиях мира, не исключая и германской, дело в самой теории. Со времени франко-прусской войны (1870–1871) создалась теория благополучия, именуемая милитаризмом. Теория эта приложенная к практике оказалась чреватой печальными последствиями. Теперь те, которые воюют с германской армией, воюют и с германской философией – господствующей философией дня. Ее иго хотят свергнуть.

Разгром немецкой армии будет разгромом немецкого мирозерцания. Какое мирозерцание, какие идеалы станут на очередь дня вслед за умирающими идеалами Берлина? Отвечать на этот вопрос значить пророчествовать. Пророчества, которые давались ранее *sua sponte*, т. е. по собственной инициативе различными лицами, подразделяются на два рода: одни из них исполнились, другие не исполнились. Последних 95%. Если бы я вздумал теперь предсказывать, то теория вероятностей безжалостно показала бы. Что вера в правду моих слов не должна отличаться значительно от нуля. Поэтому лучше мне не пророчествовать. Да и нет нужды в этом.

Много мировоззрений сменилось в течение столетия, много воды утекло. В других кафтанах ходят люди и говорят иные речи, чем говорили сто лет тому назад. Но как верно то, что в сущности люди остались теми же самыми, какими они были всегда.

Все та же единая

Сила манит нас вперед неизвестная,

Та же пленяет нас песнь соловьиная,

Те же нас радуют звезды небесные.

Правда все та же...

Как верно это, так верно то, что школа, в которую теперь вступили вы, в которой мы будем отныне работать с вами вместе, эта школа не менялась. Одним и тем же идеалам служила она, за одну и ту же правду боролась она сто лет.

Вера нашей школы есть христианство в православном понимании. Как и всякая школа, наша академия имеет своей задачей содействовать благополучию людей. Слишком наивно и неосновательно утверждение, что христианство не имеет в виду земного благополучия. Христос начал деятельность свою с того, что явился на брак и претворил воду в вино. Он начал, следовательно, с того, что освятил самые земные из земных радостей. Он никогда не шел против них. Он призывал людей к чистым радостям. Он показывал им, что любоваться лилиями долины гораздо разумнее, чем одеждами Соломона. Христианство не отрицает счастья на земле, но оно утверждает, что счастье на земле невозможно без мысли о небе. «Ищите прежде царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33). Что это все? пища, одежда, сокровища. Но прежде нужно искать царства Божьего. Где же его искать? Христос говорит, «царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 21). Но царство Божье или, что тоже царство небесное и есть счастье; овладеть им и значит овладеть счастьем. И овладеть им по-видимому нелегко. «Царство небесное силой берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12). Но если этим царством всегда нелегко овладеть, то с другой стороны им всегда можно овладеть. Царство Божье приблизилось к людям по учению Христа, и каждый, если захочет и употребит усилия, станет его членом, а если станет его членом, то значить будет благополучен и счастлив. И на самом деле студенты, вступившие в академию в 1814 году, были ли людьми менее счастливыми и более несчастными, чем вы? У нас нет ни малейших оснований утверждать это. Я думаю, что они с таким же аппетитом обедали – хотя меню их было более скромным. Несомненно, между ними были и франты довольные своими сюртуками, которые вам вероятно показались бы смешными. А затем у них было много своих радостей, как у вас – своих. Студенты первого курса Московской духовной академии основали общество «ученые беседы». Несомненно, эти беседы доставляли им удовольствие, но несомненно они доставляли удовольствие не всем. В состав общества вступило 26 членов, остальные студенты (около 40), надо полагать, тяготели к менее ученым ассоциациям. Многие с тех пор переменилось в академии. Но умножилось ли счастье? Не берусь отвечать

на этот вопрос. Замечу только, что студенты даже на моей памяти, обнимающей 29 лет, стали больше болеть. Раньше у нас и в больнице не было брома, а теперь студенты принимают бром не только перед экзаменом, но даже и тогда, когда отправляются куда-нибудь танцевать.

Жизнь такого небольшого муравейника, как академия, отражает в некоторой мере в себе жизнь всего человечества. История этой жизни за столетие в некоторой мере отражает в себе вообще историю. И мне думается, эта жизнь и ее история являются иллюстрацией, поясняющей разумность наших идеалов. Наша школа как ни-как служит науке, но она говорить: не в науке – счастье, наша школа служит делу устройства лучших порядков: она, ведь, занимается церковным законодательством. Но она говорить: не в порядках – счастье. Наша школа, смею сказать, всегда стояла и за свободу, начиная с первых питомцев ее первого курса. Уже Ф. А. Голубинский выступал на защиту англиканских книжек против наших неумеренных ревнителей православия. По поводу их обвинений он писал: «как могу я содействовать к обнародованию таких неосновательных подозрений и придинок? Как могу пособлять инквизитору в преграждении тех благодетельных каналов, которыми многие сотни детей и простосердечных людей возбуждаются к обращению от грехов?» Но защищая свободу, наша школа говорить: не в свободе – счастье.

Счастье – не в науке и не в культуре. Теоретическая задача науки – овладеть истиной, но наука с несомненностью выясняет, что истиной она не овладеет никогда. Заниматься неразрешимой проблемой, разумеется, не значить быть счастливым. Но говорят, практически наука дает благополучие, ибо дает культуру. Я думаю, что культура ведет человека от счастья, а не к счастью.

Я думаю, что чем более культурен человек, тем менее для него возможно счастье. У нас любят умиляться на культуру, великие надежды возлагают на ее будущее. На самом деле культура гораздо больше возбуждает аппетиты, чем удовлетворяет их. Не затрагивая пока вопроса о будущем, остановимся на настоящем. Сравним дикаря и культурного человека. По-моему мнению между ними двойное различие: 1) потребности культурного человека удовлетворить гораздо труднее, чем потребности дикаря и 2) удовлетворение потребностей доставляет дикарю гораздо более удовольствия, чем культурному человеку. Этнографы и антропологи любят проводить параллели между дикарем и ребенком. Дикарь вырастает, не теряя вкуса к тому, что любят дети. Дикарю доставляет громадное наслаждение пища. Дикари, как и дети, любят игры. Дикари забываются в танцах. Дикарь ближе к природе. Чем лучшие

натуралисты, лаборатории которых далеки от живой действительности, и дикарь сильнее и тоньше чувствует природу, лучше замечает в ней нюансы и перемены, чем талантливые художники. Дикарь интимно связан с природой, вследствие этого природа дает ему больше, чем культурному человеку, а просить он у ней меньше. Дикарь смотрит на природу иными глазами, чем ученый. Для дикаря природа божественна, одушевлена. Разумеется, пока человек не извратит совсем своей природы, окружающая действительность является для него источником эстетического наслаждения, но это наслаждение расхолаживается анализом. Ученый спешит уверить себя, что чувство красоты субъективно, что природа только механизм, не преследующий никакой цели, равнодушный к красоте, добру и злу. Воззрения дикаря – поскольку мы знаем воззрения дикарей, – напротив, усиливают впечатления от природы. Они чувствуют в природе что-то высшее, таинственное, святое.

Говорят, что культура обеспечивает и увеличивает благополучие? Так ли это? В культурных войнах погибает неизмеримо больше людей, чем в войнах дикарей. Культура не обеспечивает и не гарантирует человеку невозможность случайной смерти, но она как-то развивает в человеке чувство страха перед смертью. Культурные люди трусливее дикарей. А уже существование страха смерти есть сильная тень, набрасываемая на человеческое благополучие. Говорят о дарах культуры. Какие это дары? Дикое завывание первобытных дудок, бой в барабан, в бубны доставляют дикарю более наслаждения, чем, современному меломану музыка Бетховена и Рубинштейна. У дикарей всегда есть своя живопись и скульптура. У них нет железных дорог и телефонов. Они им и не нужны. У них нет докторов, берущих по 25 и 50 рублей за прием с пациентов, но в этом отношении мы им можем только завидовать. Их знахари – жрецы стоят несравненно дешевле, а статистическими данными относительно того, скольких сравнительно не вылечивают знахари и доктора, мы не располагаем. Замечу только, что современные доктора заметно поворачивают в сторону знахарства, потому что внушение и гипнотизм – главные способы лечения у дикарей – начинают признаваться важными лечебными факторами у людей культурных. Я глубоко завидую дикарям уже в том, что у них нет газет. Мы культурные люди для того, чтобы не пребывать во мраке, принуждены ежедневно пробегать несколько газет. Если вы занимаете видное общественное положение, то развертывая газету, вы рискуете всегда встретить сообщение о том, что вы допускаете возмутительные злоупотребления во вверенной вам области, что вы берете взятки, преследуете честных и умных людей, отдаете места близким

родственникам. Развязный корреспондент без затруднения намекнет, что вы принимаете участие в подлогах, что у вас запутанные семейные отношения. Могут коснуться и вашей родословной и сообщить такие вещи о ваших родителях, что тут же станет страшно. Но если вы – такой счастливый человек, что вас лично никогда не задевают газеты, то все равно вам при чтении их не избежать тяжелого чувства. У вас есть те или иные верования, убеждения, вы сочувствуете тем или иным проектам и ни каким чудом вы не спасетесь оттого, чтобы на ваши глаза не попала газета, утверждающая, что разделяемые вами верования нелепы, убеждения – неискренни, проекты – лукавы. Конечно и дикари злословят друг друга, но дикарь не получает и не держит в своей хижине позорящих его изданий, и злословие у дикарей идет под сурдинку и гораздо медленнее и осторожнее превращается в публичное обвинение, чем это делается в европейской или американской печати.

Убеждения дикаря – каковы бы они ни были – обычно гораздо тверже, чем убеждения людей культурных. Культурный человек всегда несколько скептик, несколько сомневающийся. Но состояние сомнения не есть состояние благополучия. Представьте себе влюбленного юношу – дикаря и нашего студента. Дикарь любит и конец. Он, не задумываясь, свернет шею своему сопернику, во многих случаях для того, чтобы любимая девушка стала его женой, он готов на опасные подвиги, не задумывается, пожалуй, поставить на ставку и свою жизнь. Теперь посмотрим культурного юношу. Уже чтение литературных произведений, где без конца выводятся ловительницы женихов, заставляет его задумываться, не обманывается ли он в любимой девушке, не открывает ли она под личиной добродетели некрасивые вождедения. Прежде, чем пережить свою жизнь в действительности, современный юноша переживает чужие жизни по книгам. После этого к событиям в собственной жизни он подходит с сомнением и анализом. Но анализ и сомнения плохой гарнир для чувства любви. А затем, что касается до культурных девушек, то я думаю, что их опытность давно заставила их отказаться от мысли иметь мужьями людей способных на геройские подвиги.

У культурных людей исчезают сильные чувства, они даже стыдятся их, а где нет сильных чувств, там не может быть и больших радостей. Чувства находят свое выражение в поэзии, и поучительно, что поэзия в жизни народов предшествует прозе. Гомер древнее Платона, и поэзия в Аравии существовала задолго до того, как явилась проза Корана. Но счастье, если оно действительно похоже на счастье, должно быть поэтично, а не прозаично. И вот почему мне думается, что, когда вместе с

культурой в жизни народов является проза, то вместе с этим ослабляется возможность счастья.

Но если культура ослабляет чувства наслаждения и радости, то тогда само собой решается вопрос – к счастью или от счастья идет человечество? оно идет или по крайней мере хочет идти путем прогресса, оно хочет культурного преуспевания, оно хочет, чтобы миражи, иллюзии, суеверия были рассеяны, оно хочет все понять, чтобы перестать удивляться и восхищаться, чтобы перестать одобрять и порицать.

Культура хочет лишить человека и радостей, и горестей. Но горестей лишить нельзя. Смерть близкого человека хотя бы и предусмотренная медициной, тягостна, и самый обыкновенный насморк может причинить много неприятностей. Но радости культура у человека отнимает, потому что она отнимает у человека праздники и оставляет ему только будни.

Счастье и не в порядках. Последнее десятилетие у нас много говорят о церковных реформах. Но реформы могут изменить лишь взаимоотношение лиц, а не лица. Неужели вследствие каких-либо перестановок Духа Божьего окажется в церкви больше, чем было? И особенно в области церковной странно говорить о значении порядков. Здесь все дело в личности. Если иногда гороховые шуты и оказывались в роли религиозных вождей, и мы имели Гапонов, Илиодоров и К°, то конец их всегда был гибель. Часто говорят, что всякий народ имеет такое правительство, какого он стоит. Но в церкви по существу нет и правительства. Благодатные дары члены церкви получают от Бога через посредство иерархии, но далее все их отношения к горнему миру обуславливаются их личностью, а не какими-либо выдаваемыми им полномочиями или паспортами. Правда, мир и радость о Духе Святом, т. е. такое состояние души, которое делает ее блаженной, не может быть дано человеку никем кроме его самого. И сам он может обрести его путем собственных нравственных усилий, не взирая ни на какие порядки.

Счастье – и не в свободе. Свободу воспевают, свободы домогаются; тоскуют, что ее нет. Собственно, все эти речи о свободе не совсем ясны и понятны. Ведь, всякое предоставление мне свободы есть ограничение свободы другого. Отсюда следует, что речь о свободе не может вестись независимо от речи о границах свободы. Мужик может свободно продавать на базаре капусту, а вы можете свободно ходить по базару. Но мужик поставил свою телегу с капустой поперек дороги. Он лишил вас возможности пользоваться правом свободного передвижения. Чтобы того не было, нужно ограничить его свободу указать ему определенное место, где он должен стоять. Но не будем останавливаться на выяснении

подробностей вопроса о свободе. Будем говорить о свободе, как о ней обыкновенно говорят, не затрудняя себя особо глубоким размышлением о предмете. Говорят, счастье – в свободе. Представим себе, что человеку дали свободу. Спросим, что он с ней будет делать? Большинство чиновников свободно по вечерам и большинство из них проводить время за картами. Но раз человек приступает к игре, он уже отрекается от своей свободы, он свободно подчиняется правилам игры – всегда не очень разумным и в конечном результате бессмысленным. В беллетристической форме то положение, что свобода на самом деле тяготит человека, и человек ищешь кому бы ее отдать, это положение разработано Достоевским в «Братьях Карамазовых» (поэма «Великий инквизитор»). Не свобода, а рабство спасает нас в жизни. Мы пишем письма, начиная с «милостивый государь» и кончая «Ваш покорный слуга», руководясь шаблонами и рабски следуя им, и это делает легкой нашу задачу. Попробуйте написать письмо свободно, не подчиняясь установленным шаблонам ни в обращении, ни в заключении, ни в содержании, погрызете, погрызете перо, бросите и потом начнете писать по образцу предков. Гораздо раньше Достоевского в философии Мэн де Бираном была установлена правильная точка зрения на взаимоотношение человека и свободы. Животные всецело подчинены природе, человек в некоторой мере эмансипировался от власти природы, поэтому Гердер назвал человека первым вольноотпущенником природы. Мэн де Биран рассуждает так. Человек познает свое «я», как совокупность усилий, стремящихся преодолеть сопротивления отовсюду (от собственной и от внешней природы). Подчиняясь природе, человек живет чувственной, животной жизнью. Побеждая природу и высвобождаясь из подчинения ей своими усилиями (волей), он живет жизнью разумной. Но и эта жизнь не может удовлетворить его. Полное удовлетворение он может найти лишь в подчинении своего освобожденного «я» высшей реальности и в общении с этой реальностью. Так человек, освобождаясь от подчинения низшей силе, еще не находит удовлетворение; он находит таковое, подчиняясь силе высшей – требованиям долга, морали. Если есть нечто высшее, чем добро, то человек может стать по ту сторону добра и зла, но только во имя подчинения высшему принципу.

Счастье – не в свободе, а в свободном подчинении принципам высшего блага. Счастье – в святости. Святость есть такое настроение души, при котором человек радостно осуществляет веление божественной воли раньше, чем они бываюи возвещены ему в форме заповеди. Святой не думает о заповеди. Праведнику закон не лежит, потому что праведник

хочет того, что повелевает закон. Святой блажен, потому что между его волей и высшей волей существует единство, гармония. Святой блажен, потому что он подчинился святейшему. Такой взгляд на блаженство или счастье имеет в своей основе предположение, что существует нечто святое и что нужно искать общения и единения с ним.

Наша школа неизменно в течение ста лет и учит тому, что есть нечто высшее, нечто святое и она ведет и будет вести борьбу за святое. Не за храмы, не за иконы, не за догматы только борется она с разными отрицательными мирозерцаниями, она борется против попыток опустошить нашу душу, против попыток низвести нас до животного состояния. Этот тезис может показаться странным. Ведь, академия боролась и борется главным образом не с невежеством, не с суевериями, а с различными философскими и научными теориями, т. е. теориями, которые возникли во всяком случае, потому, что человек высоко поднялся над животными. На это скажу я: наука не знает первоначального состояния человечества, но я боюсь, что ее теории прямо направляют человека к скотоподобному состоянию. Пользование телеграфом и телефоном еще не дает патента на действительно человеческое достоинство. Можно и собаку выучить лаять в телефон. Человека поднимает над животным серия чувствований не присущих животному. Остановимся на некоторых из них. Человеку присущи чувства благоговения, почтения, умиления. Должны ли существовать эти чувства? Наша школа призывает нас развивать их в себе, но обратимся к философским школам, ходящим по стихиям мира, что говорят они? С их точки зрения благоговение есть чувство патологическое. На что должно быть обращено оно, перед кем я должен благоговеть? Перед человеком более меня способным, но ни один гений не знает, откуда он получил свой гений; слепая природа дала ему его, как она дала могучие крылья орлу и крепкие зубы волку. Да и не прочная вещь – гениальность. Сегодня человек слывет за гения, а завтра – смотришь, этот гений потерял способность утирать свой нос. Это случилось с Фридрихом Ницше. Эммануил Кант в конце своей жизни впал в детство. Оскар Уайльд после заключения в тюрьме потерял свой талант. Перед кем же нам благоговеть? Нет ничего выше нас, а в нас очень много дурного. Правдивые биографии гениальных людей показывают, что они имели недостатки не меньшие, чем малые люди. А. С. Пушкин не был святым. Далеким не был им и М. Ю. Лермонтов. На что же нам обратить чувство благоговения. Во вселенной нет объекта, перед которым стоило бы благоговеть. Перед звездами и солнцем мы не можем благоговеть, потому что они мертвы, а мы

поднялись над стадией фетишизма; благоговение можешь быть обращено лишь на высшее существо, т. е. на Бога, или на таких разумных существ, в которых преимущественно пребывает Бог. Но нам предложена с вами теория божественного невмешательства. Бога нет ни во мне, ни в вас. Мы все только сплетение разных низменных инстинктов. Перестанем говорить о благоговении.

Не перед чем нам с вами умиляться, нечего нам почитать. На земле широко распространено почитание предков. Многие мыслители из этого почитания пытаются вывести все формы религий. Пытался делать это Спенсер. Почитание предков не исчезло и в культурном мире. Ставятся памятники великим деятелям, справляются их юбилеи, вспоминаются их дни рождения и смерти. В этом почитании много недоразумений. Во 1) почитается то, что уже не существует; во 2) почитается то, что может быть никогда и не существовало. Оставляя в стороне то, что историческая наука заподозрила существование Моисея, Гомера, Ликурга, я имею в виду следующее. Наше почитание часто может быть обращено не по адресу. Открытия, которые мы приписываем известным лицам, на самом деле могли быть совершены совсем другими. Деяния, которые нам представляются славными, при другой точке зрения могут представиться позорными. Что касается до открытий, то они в истории иногда заведомо связываются с именами ученых их не сделавших. Бином Ньютона, который заучивают школьники, несомненно не есть открытие Ньютона. Он был известен до него. Вы найдете коэффициенты бинома в мистическом треугольнике Паскаля. Деяния людей можно оценивать различно. Одни воспевали Атиллу V-го века и воспевают Атиллу XX-го, другие относятся к ним с омерзением. На самом деле никого не следует ни воспевать, ни почитать. С точки зрения современной науки, наши предки были похожи на орангутангов, горилл и шимпанзе. В ряду различных животных эти менее всего вызывают к себе чувство почтения. По теории следует, что наши отдаленные потомки будут трактовать нас так же, как мы трактуем орангутангов. О каком почтении здесь может быть речь? Это чувство не должно существовать в нашей душе.

Люди говорят о чувстве благодарности, Апостол писал солунянам: «всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите» (5, 16–18). Но нечему радоваться. Некому молиться и некого благодарить. Благодарность есть теплое и радостное чувство, вызываемое во мне благожелательностью ко мне моего ближнего выраженной в делах. Благодарность – редкое чувство. Некоторые говорят, что ее совсем не существует. Такая мысль проводится у Тургенева в его маленьком

стихотворении в прозе «Пир у Верховного Существа». Но должно ли существовать это чувство? Наша школа говорить о благодарности и к Богу, и к святым, и к родителям, и к учителям, и ко всем, кто дал бы нам хотя чашу студеной воды. Но на самом деле мы – необходимый продукт по необходимости само развивающегося мира. Взаимоотношения с Богом у нас нет. А где нет связи, нет взаимности, там не должно быть и никаких чувств. Говорить о благодеяниях к нам святых значит вызывать глумление. Нужно ли питать благодарность к родителям? Конечно, нет; стоит только припомнить циничные речи Франца Моора в «Разбойниках» Шиллера. *Den Vater, der vielleicht eine Bouteille Wein weiter getrunken hat, kommt der Kitzel an-und draus wird ein Mensch, und der Mensch war gewiss das letzte, woran bei der ganzen Herkulesarbeit gedacht wird (Vierter Akt. Zweite Scene).* Удовлетворение похоти, а не любовь к потомству производить потомство. Затем социальный прогресс теперь, оказывается, состоит в том, что дети отрекаются от идеалов, верований и жизненной практики отцов. В одном народном произведении выводится купчиха, спрашивающая монаха: «правда ли, что при пострижении заставляют отца с матерью проклинать?» На что монах отвечает: «нет, так партикулярных в частности». Какие партикулярные в частности проклинаются при пострижении, я не знаю. Таких нет. Но что теперь широко распространена пропаганда, базирующаяся на культуре и призывающая детей отрекаться от родителей, проклинать идеалы и веру отцов, а значить, в сущности и их самих, потому что отрицается и проклинается их духовное содержание, этот факт известен всем. Явились новые Ироды, лаской и прельщениями отнимающие детей у матерей. И «Рахиль плачет о детях своих, и не хочет утешиться, ибо их нет» (Мф. 11, 18). Новейшая культура посеяла раздоры и рознь между отцами и детьми. Эта рознь исключает чувство благодарности у последних по отношению к первым. Но если у детей исчезает благодарность к отцам, то выбросьте благодарность из числа чувств присущих человеческой душе.

Много духовных наслаждений дает человеку удовлетворенное чувство жалости. Помочь беспомощному, дать силы бессильному и смотреть, как он становится из несчастного счастливым и из печального радостным, это доставляет наслаждение. Но если уже что, то именно события настоящих дней показывают, что на жалость надо смотреть, как на непрактичное и некультурное чувство. Если бы император Вильгельм руководился жалостью к своим подданным, разве он устроил бы ту мировую кровавую баню, которую устроил? Я сказал уже, что принципы господствующего мировоззрения направляют человека к скотоподобию. Это особенно

удобно выяснить на отношении этого мировоззрения к чувству жалости. Во имя жалости мы сохраняем тех, которые не только не способствуют жизни, но мешают жить: слабых, уродов, больных, сумасшедших, престарелых. Но ведь, они представляют собой балласт, препятствующий нам двигаться свободно и смело. Мы тратим на их уход и содержание свои силы, мы оказываемся прикованными ради них к какому-нибудь месту, во имя их благополучия мы отказываемся от широких и плодотворных планов. Вообще их благополучие вредит благополучию нашему и благополучию человечества. Лучше отделаться от них и покончить с ними. Эту мысль – хотя и не в такой дикой форме – подсказывал Ницше. Эта мысль подсказывается событиями дня. Если бы в Германии затраты на богадельни были бы заменены затратами на армию, то у германского императора армия была бы лучше, чем теперь. Слабых не нужно жалеть, их нужно уничтожать. Это полезно для блага культуры. Но обратимся от культурного мира к миру животному. У животных есть инстинкт, побуждающий их преследовать своих больных или слабых товарищей. Американский натуралист Хэдсон отмечает, что при виде сотоварища, находящегося в крайне бедственном положении, стадом или семейством овладевает внезапная и смертельная ярость. Травоядные в таких случаях топчут и бодают несчастного до смерти. У волков и других диконравных плотоядных видов несчастного товарища часто разрывают на клочки и пожирают на месте. Мы имеем свидетельства, что немцы добивают собственных раненых. Это и культурно, и целесообразно. Но только, чтобы делать это спокойно без мучений и угрызений совести, для этого нужно из сердца вытравить жалость.

Безрелигиозная культура настоящего хочет уничтожить в будущем самые святые чувства человека. Но самое понятие «безрелигиозная культура» заключает в себе внутреннее противоречие. Слово cultura происходит от coio – возделываю, почитаю: культура теснейшим образом связана с культом. И когда уничтожают культ, на место культуры становится что-то зверообразное. В течение столетия, пока существовала наша академия, выдающиеся мыслители разных стран пытались создать независимую, безрелигиозную этику. Чтобы возвысить мораль, ее стали отделять от религии. Поднялась ли от этого мораль на высшую ступень, как совершенно бескорыстная? Нет; она ниспустилась до утилитаризма. Напрасно говорят, что мораль вышла из принципа пользы, она не вышла из него, а пришла к нему. Теперь действуют не во имя морали, а по тактическим соображениям. Теперь нет уже ни религии человекобожества Фейербаха, ни религии человечества Конта. Человек теперь не

есть самоцель, имеющая сама в себе бесконечную ценность. Человек есть только средство. Человечество является бесцельной системой средств. Настоящая война, предпринятая государством, рационализировавшим христианство, служит, не скажу, прекрасной, но ужасной иллюстрацией положения вещей: чудный жемчуг Иордана подменен никуда негодными раковинами Шпре.

Но мы не участвовали в этой подмене. Просуществовав сто лет, академия осталась при старой вере и при старых идеалах. Сто лет в академии читались немецкие книги. Многому мы научились из них, но мы не заплатили за приобретенное знание свыше внедренной в нас верой. Если это случилось с некоторыми, то о них скажем: они вышли от нас, но они не были от нас. Не разобщить человека с Богом стремилась академия, а приблизить человека к Богу – утвердить православную веру и воспитать в душе религиозную настроенность. И вера религиозная давала нам веру научную, ибо только при вере в Бога можно верить, что истина откроется нам. И вера религиозная давала веру житейскую, потому что только при вере в Бога можно быть уверенным в конечном успехе добрых начинаний. Религиозная настроенность, которую по мере сил вселяли пастыри, воспитывавшиеся в академии или воспитанные питомцами нашей академии, удваивала радости и ослабляла в людях скорби земного бытия. Святые чувства развивались и крепили в сердцах. И вот теперь лучшие чувства русских людей подвергаются великому испытанию. Каждый день там, далеко на западе насильственная смерть скашивает сотни и тысячи юных и многообещающих жизней. Как возможно здесь утешение? Утешаться мыслью о конечной победе, о сокрушении врага, о том, что после войны у нас откроются перспективы спокойного развития и преуспевания. Но ведь эта победа не воскресит нам мертвецов, легших костями на полях Пруссии и Австро–Венгрии. Что до этой победы тем матерям, которые некогда вынашивали и кормили своей грудью этих мертвецов. О них говорит поэт:

Им не вернуть своих детей.
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей.

Только одно возможно здесь утешение, что сыновья пали жертвами долга, пали за правду и что им соблюдается венец правды. Но это утешение может дать лишь религиозная вера.

И только при этой вере возможны любовь и надежда. Только при этой вере слова: «правда, святость, милосердие» имеют значение. Что станет с миром, если он откажется от веры. Отказаться от веры в Бога, значить

отказаться от веры в себя, потому что верить в себя, можно лишь веря в Бога. Отказаться от веры в Бога, значить отказаться и от веры в человечество, потому что в сущности человечество также беспомощно, как и один человек. Нужно только число пушек, потребное для уничтожения миллионной армии, умножить на тысячу шестьсот, и мы получим количество орудий достаточное для истребления всего человечества. Без веры в Бога не может быть веры в счастье. Без веры в Бога должны будут замирать святые и священные чувства в человечестве. Они окажутся тогда не имеющими разумного основания и вредными для культурного преуспевания.

Но академия сто лет борется за веру в существование святого и священного и будет бороться за эту веру до последнего дня своего бытия. И если настанет день, когда последний боец за эту веру падет, сжимая мертвыми руками свое знамя, то этот день, будет днем траура для человечества.

Да не будет этого. Нашей верой исключается возможность отчаяния. Без самонадеянности, но и без страха будем взирать на будущее. Я сказал, что не имею претензий пророчествовать о нем, но я считаю себя вправе закончить мою беседу с вами приведением двух пророчеств, из которых одно исполнилось, а исполнение или неисполнение другого стоит на очереди дня.

Когда я был на первом курсе академии – дела давно минувших дней, как видите – умер Иван Сергеевич Аксаков, могила которого находится так близко от наших аудиторий. Последними словами его последней статьи были: «а гроза близится!» Он разумел, что нам угрожает Германия. С тех пор раскаты грома не редко раздавались к западу от Александрова и Вержболова, но грозы все не было. Она пришла теперь. Пророчество исполнилось.

Когда я был на втором курсе, проф. В. О. Ключевский, читая о том, что входило в состав Руси и выходило из этого состава, указал на Галицию некогда бывшую русской, но ставшую австрийской. Области, которые изначала принадлежали Руси, если временно выходили из ее состава, то потом обыкновенно опять приобщались к ней. Исключение представляет Галиция. «Но это, закончил лекцию профессор, только вопрос времени». Исполнение этого пророчества ожидается теперь. Будем ждать.

Но разумеется, мы будем ждать, не сложивши руки, а занимаясь работой. Я думаю, что мировые события научат вас в этом году гораздо большему, чем наши лекции. Но прошу вас: следя за страшной действительностью, не забывайте, что размышление и изучение могут

сделать действительность лучшей. Следя за жизнью, будем изучением готовить лучшую жизнь.

Наша школа сто лет стояла за лучшие надежды человечества. Пусть с этими надеждами она начнет второе столетие своего существования!

Содержание

Глаголев Борьба за святое профессор Сергей Сергеевич Глаголев	1
--	---